

НОВАЯ ПРОЗА

НЕ ЗДЕСЬ И НЕ СЕЙЧАС

Сергей Новиков

издательский дом

Выбор Сенчина

Сергей Новиков

Не здесь и не сейчас. Роман

«Издательские решения»

Новиков С.

Не здесь и не сейчас. Роман / С. Новиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903586-8

О 90-х в России написано предостаточно, но в то же время постоянно раздаются голоса, что они литературой — художественной литературой — по-настоящему не показаны, не осмыслены; что представлены в русской прозе однобоко и монотонно. Но, как показывает история нашей словесности, еще не вечер. И роман Сергея Новикова «Не здесь и не сейчас» подтверждает это. Роман художественно сильный, достоверный и, как мне представляется, ценный, как документ той эпохи, которую мы до сих пор не преодолели. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903586-8

© Новиков С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Не здесь и не сейчас

Роман

Сергей Новиков

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Сергей Новиков, 2019

ISBN 978-5-4490-3586-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей семье

Часть первая

1

Ночь кончилась, утро ещё не наступило. Воздух вокруг был ночным – сырым и серым, но небо за шумевшей в полукилометре железной дорогой, по которой пролегла граница города, уже начинало светлеть.

Макс смотрел на июньский рассвет с девятого этажа общаги мединститута. Затягиваясь сигаретой, он слушал, как у него за спиной ветер ворошит висящую перед балконной дверью штору из засохших роз (полтора десятка крупных тёмно-бордовых бутонов на метровых стеблях были прищеплены к бельевой верёвке).

Докурив, он раздвинул царапнувшие предплечья розы, шагнул на кухню и стал собираться. Убрал в рюкзак магнитофон, в котором торчала кассета с квиновским «Innuendo»¹, нашел футляр от неё. Внутри обнаружились две папиросы с марихуаной. Поморщившись от брезгливости, он вытряхнул их на пол, сунул футляр в рюкзак и быстро вышел из квартиры. Язычок автоматического замка уже готов был щёлкнуть, отрезав ему путь назад, когда Макс передумал. Он вернулся и заглянул в комнату, где спала Станислава.

Прямая рыжая чёлка, расслабленные, приоткрытые во сне губы. «Красивая. И очень беззащитная сейчас, – подумал он. – Даже если не спит, притворяется, это ещё хуже, то есть она трогательная, а я хуже, но всё равно...». Внутри тут же разлилась тёплая, обездвиживающая жалость – к ней, к себе, к родителям, шокированным недавним уходом Макса из политехнического, и даже к военкому, который наверняка получит выговор, если до окончания весеннего призыва не отправит бывшего студента в армию. Ровно в то же время какой-то другой участок мозга, трезвый и расчётливый, зацепился за эпитет «красивая», добавил к нему «плюс влюблённая», и напомнил Макс о его незавидном положении.

Не было денег, не было жилья, куда без стеснения можно пригласить идеальную (то есть ту, с которой он обязательно познакомится в будущем) девушку, не было работы и профессии. Ко всему перечисленному прилагалась почти стопроцентная вероятность со дня на день загреметь в армию. В общем, трезвость с расчётливостью подсказывали ему, что при таких обстоятельствах новый объект для влюблённости может появиться очень не скоро, и ждать появления объекта (или отправки в вооружённые силы, тут уж как повезёт) будет куда приятнее в обществе красивой и влюблённой в него Станиславы.

От циничности последней мысли, от напоминания о собственной ничтожности и от жалости к спящей девушке Макс захотелось орать и крушить. В горле стало горячо, но через секунду эта волна схлынула, ошпарив напоследок ледяным холодом, и в груди привычно разлеглась какая-то сухая растрёпанная вата неопределённой температуры. Из-за ваты иногда першило в горле, но в целом она исправно гасила все сильные эмоции последних недель.

«Да шло бы оно всё. Я ошибся. Так, наверно, бывает. Конечно, она яркая, но она мне не нравится, она какая-то ненатуральная: постоянно кого-то или во что-то играет, причём, играет с каким-то нажимом, вечно переигрывает... Это всё не то, я этого совсем не хочу», – оправдывался Макс, нерешительно пятясь к выходу и осторожно притворяя за собой дверь. Когда язычок замка всё-таки щёлкнул, Максим вспомнил лицо спящей Станиславы, прибор-

---

¹ Последний альбом группы «Queen», который вышел при жизни Фредди Меркьюри. «Innuendo» был выпущен в 1991 году, за год до описываемых событий.

мотал «I can't live with you²» и, сдерживаясь чтобы не побежать, зашагал по коридору общезжития.

Рюкзак с магнитофоном он оставил на втором этаже, в квартире, которая находилась в его распоряжении до конца лета. Сунув ключи в карман шорт (шорты он смастерил в мае, отрезав штанины от джинсов, в которых ходил зимой), Макс налегке рванул к трамвайному кольцу. На сонном утреннем трамвае доехал до городского пляжа, где в этот час не было ни души, вошёл в воду и поплыл к противоположному берегу. Переплывая двухсотметровую реку в третий или четвёртый раз, Максим отстранённо и вяло, как наблюдающий за не бог весть каким экспериментом лаборант, подумал: случись ему сейчас утонуть, искать начнут только недели через две. С родителями связь прервана из-за призыва, приятели из общаги универа подумают, что он просто ленится выбираться к ним в центр из расположенной на окраине общаги медиков, а Станислава, обнаружив исчезновение магнитофона с «Innuendo», поймет, что он ушёл навсегда.

2

К этому состоянию почти абсолютной свободы Макс не стремился. Он не планировал ни разрыв с женой (стремительно женившись в восемнадцать на двадцатидвухлетней звезде пятого курса, он сбежал от неё через год), ни уход с третьего курса политехнического, ни уклонение от призыва. Связанные с женой, с учебой в нелюбимом вузе или с армейским призывом неприятные ощущения нарастали незаметно. Макс неспешной рысью исправно бежал по назначенной ему дорожке. Молчал, когда ненавидевшая всех вокруг жена срывала злость на нём, получал двойки и пересдавал экзамены по нелюбимым предметам, проходил комиссии и медосмотры в военкомате, и в каждой такой ситуации был, в общем-то, своей жизнью не то чтоб совсем доволен, но уж большой обиды на нее не держал точно. Однако после какой-нибудь особенно противной мелочи, игравшей роль катализатора, Макс вдруг взбрыкивал и соскакивал с надоевшей ему дорожки.

Потом он, конечно, мог покрасоваться и ввернуть в разговор: «Мне давно было ясно, и я, наконец, решил...», хотя честнее было бы сказать: «Так получилось».

Так получилось, что в мае 1991-го, накануне экзамена по обожаемому им английскому, жена язвительно прошлась насчёт его способностей к языку, и он, получив «отлично» и похвалу самого придирчивого в вузе преподавателя, вдруг понял, что больше не будет жить с ней, причём, уйдет прямо сейчас, не затевая развода. Он просто не вернулся после экзамена в их съёмную комнату, а потом успешно избегал контактов с женой и её родственниками.

Так получилось, что в январе 1992-го неспособному к черчению Максусу злобная старуха-преподаватель исчиркала шариковой ручкой стойкий адских трудов чертёж, и учившийся на мелиоратора Макс ушел из политеха.

Так получилось, что три месяца спустя на призывной комиссии в родном райцентре ему нахамил военком, который ненавидел студентов за то, что они получают отсрочку и портят ему показатели. Войдя в раж, военком пообещал отправить недоучившегося студента в стройбат, «к экам и черножопым³». К тому времени Макс уже убедил себя, что служба в армии – не самая приятная, но по-своему честная расплата за уход из политехнического, и даже постригся наголо, чтобы приучить себя к мысли: студенчество кончилось, начинается новый этап в его жизни. Однако после угроз военкома он сначала испугался, а через несколько дней разозлился и начал интересоваться способами уклонения от призыва.

---

² «Я не могу жить с тобой» – название четвертой песни альбома «Innuendo».

³ Стройбат – строительные батальоны, которые комплектовались преимущественно выходцами с Кавказа и из Средней Азии, а также ранее судимыми лицами.

Так получилось, что насчёт этих способов могли просветить только в областном центре, где Максим учился три предыдущих года, и в апреле 1992-го он уехал в столицу области, сообщив родителям, что один тамошний умелец починит японский магнитофон, который в райцентре чинить не берутся.

Истратив за три недели почти все деньги, но не получив ни одного толкового совета по спасению от призыва, Макс решил вернуться домой и сдать на милость военкому.

В день отъезда он долго бродил по хаотично застроенному кварталу в центре областной столицы, как бы прощаясь с большим городом перед отправкой в армейскую Тмутаракань, и вдруг наткнулся на крохотный пивной бар под названием «Кенгуру». Бар был спрятан в старых дворах столь прихотливо, что найти его во второй раз оказалось сложнее, чем случайно обнаружить в первый.

«Кенгуру» (точнее, как гласили надписи на ярко разрисованных стенах, «Kangaroo») был переполнен. Посетители неприветливо косились, бармен демонстративно не замечал. Максим уже выходил, когда его окликнули.

Он узнал Сашу с Серёжей – семейную пару, с которой познакомился год назад, когда пытался перевестись с третьего курса политеха в университет, на второй курс РГФ⁴. Перед экзаменом он было подкатил к длинноногой красотке Саше, которая переводилась на престижный инязовский факультет с обычного филфака, но Саша тут же познакомила его с мужем, третьекурсником РГФ. С тех он их ни разу не видел.

После неожиданно бурных для столь непрочного знакомства приветствий ребята объяснили, что «Кенгуру» – фактически закрытый клуб, место для своих. Свои – это звезды РГФ (успеваемость на данный статус влияла по минимуму) и иностранцы, приехавшие учить русский. Иногда, правда, случаются исключения (если, конечно, имеются солидные рекомендации).

Выданные Сашей и Серёжей рекомендации Макс подкрепил дюжиной «Ячменного колоса», истратив на вступительный взнос две предпоследние сотни, и тут же, в виде обещанного исключения был приглашен за лучший столик.

«Марат», – не глядя на нового собутыльника протянул руку часто улыбающийся парень в круглых очках, чем-то напоминающий коротко стриженного Леннона. Марат солировал за столом, постоянно перескакивая с русского на американский английский. Иностранный язык находился с мимикой нового знакомого в куда большей гармонии, чем родной.

– Ладно, Марат, bye! Созвонимся, – попрощался с Маратом кто-то из своих.

– «Созвонимся» – не ожидая от себя такой наглости сказал Максим, ненавидевший эту ошибку за то, что делал её лет пятнадцать.

Марат не без интереса скользнул взглядом по чересчур прыткому новичку и весело прокричал вслед приятелю:

– Пока, Карлсон! Учи родной язык, а то перед людьми неудобно!

Повернувшись к Макс, Марат включил обаятельную, но слишком широкую, чтобы быть искренней, улыбку, и спросил:

– Ну, Макс, а ты чем по жизни занимаешься?

Перед тем, как привести Макса за свой столик, Саша с Серёжей заочно представили сидевшую там компанию. Услышав от них, что Марат имеет отношение к какому-то серьёзному бизнесу, Макс наострил уши, или, если множить собачьи метафоры, сделал стойку. Поясним.

Его давно угнетал факт, что он может заработать какие-то ощутимые деньги только тяжёлым физическим трудом. Два предыдущих лета Макс добросовестно, по 10—12 часов в сутки, вкалывал подсобником в строительном кооперативе, и зарабатывал намного больше отца –

---

⁴ Факультет романо-германской филологии, студенты которого изучают английский, немецкий и французский языки.

токаря высшего разряда с госпредприятия. Но даже такие суммы не избавляли его от чувства ущербности, которое возникало рядом с некоторыми старшекурсниками. Эти дорого одетые парни, обладавшие каким-то победительным нагловатым шармом, не только нравились всем записным красавицам, но и могли легко нарисовать весь каникулярный заработок Макса, сделав несколько телефонных звонков.

«КАК они ЭТО делают? Что берут, где берут, кому продают, почему у них так легко и так дорого покупают?» – мучился Макс, весь коммерческий опыт которого сводился к распространению билетов мгновенной лотереи и продаже однокурсникам импортных дезодорантов, купленных по госцене в райцентровской «Галантерее». Послевкусие от такой коммерции было не то что бы очень, и он иногда мечтал хотя бы познакомиться с человеком, который действительно умеет *делат* деньги – мечта о работе у настоящего бизнесмена казалась Максиму чересчур наивной. Он много раз задавался вопросом, где и как можно было бы завести знакомства, позволяющие приблизиться к касте избранных, но ответа так и не нашёл. И вот теперь, благодаря причудливому коктейлю, в котором Кто-то Там Наверху смешал бесцельные блуждания по городу, затерявшийся в незнакомых дворах бар и шапочных знакомых годичной давности, мечта начала приобретать вполне реальные очертания.

Понимая, что вопрос Марата – это шанс, Макс ощутил прилив восторга: такой случается, когда на экзамене достается отлично выученный билет. Ответ получился честным и четким.

– Сейчас работу ищу. Могу с людьми общаться, могу и грузчиком или там фундаменты заливать, но чтоб при серьёзных людях быть и со временем научиться у них, как деньги зарабатывать. Ещё думаю летом на РГФ поступить. Если в армию не загребнут, конечно.

– Это ты правильно зашел, – снова улыбнулся Марат. – Тут все с РГФ, и половина – после отчисления, от прапорщиков бегают. В получении повестки не расписывался? нет? Да забудь тогда вообще... No pressure⁵, Макс.

– Но я же на медкомиссии уже был, – осторожно возразил Максим.

– А-а, брось, это всё лажа. Обязаны вручить повестку на отправку под подпись. Пока ты её не получил, ты просто не знаешь, что должен быть на призывном с вещами. Не, ты хочешь явиться, да? но ты просто не знаешь, когда явиться, правда? А по месту прописки ты не обязан сидеть, чтоб повестки дожидаться. Может, ты перед армией с девушкой решил красиво попрощаться, на юга махнуть. Это их гемор – найти и вручить. По уголовке к тебе здесь вообще никаких претензий, forget about it. Just forget. Really⁶. Главное – не попадайся и в получении повестки не расписывайся.

– Ясно, спасибо, – с наигранной бодростью произнес Макс.

С одной стороны, совет был дельный. Куда полезнее сказок о добрых врачах, которых он в избытке наслушался за последние недели, изыскивая способ оставить с носом угрожавшего ему военкома. Если верить сказкам, в природе существуют такие доктора (причем, по рангу не меньше заведением в областной, другие помочь не смогут, даже если сильно захотят), на которых иногда что-то находит, и тогда они абсолютно бескорыстно помогают приглянувшимся им призывникам. Оно, конечно, может, и существуют; не исключено также, что на них иногда находит, но вот ведь незадача: никто из советчиков не мог назвать имя, специализацию и место работы хотя бы одного столь отзывчивого врача.

Однако дельный совет Марата не подлежал применению без решения других проклятых вопросов – *где* жить и, главное, *на что* жить? Три недели после бегства из райцентра Макс прокантовался в общаге медиков, где его приютил одноклассник. Жил на остатки летних заработков и стипендию, которую в прошлом году задерживали, а теперь выдали сразу за несколько месяцев. Гостем он был ненапряжным, две койки в просторной двухкомнатной

---

⁵ Не напрягайся.

⁶ Забудь об этом. Просто забудь, правда.

квартире, рассчитанной на шесть человек, стояли пустыми, и соседи одноклассника не возражали против его присутствия. Но ведь одно дело – развлекающий их по вечерам бесчисленными анекдотами весёлый гость, который на днях уедет, и совсем другое – малознакомый человек без средств к существованию, проживающий в режиме «я к вам пришел навеки поселиться». Решить обе проблемы могла только работа, причем, работа у кооператоров или коммерсантов – не имея военного билета и прописки в областном центре, устроиться куда-либо официально было невозможно. А вот подходящей работы как раз и не предвиделось.

Следующие полчаса Максим чувствовал себя как приговорённый к казни, который заказал последнее желание. Желание выполнялось по высшему разряду: вокруг кипела именно та жизнь, о которой он мечтал. Интересные люди, красивые, раскованные девушки, дух коммуны, где люди, заработавшие сегодня, платят за тех, кто платил за них вчера или заплатит завтра, богемная атмосфера, ослепительное сияние деловых перспектив и просторы широких финансовых горизонтов... Но вся эта роскошь – в первый и последний раз. Завтра-послезавтра – райцентр, потом призывной пункт, два года в стройбате, отправку в который ему пообещал военком, и (если, конечно, повезет вернуться из стройбата живым) бесславное возвращение в родные, что называется, пенаты, где найти работу с каждым месяцем становилось всё сложнее.

Висевший в баре ровный разговорный гул вдруг сменился заводным дискотечным ритмом. (До сих пор музыки не было – какой-то почётный гражданин бара «Kangaroo», чья личная пивная кружка в отсутствие хозяина хранилась на специальной полке у бармена, вместе с друзьями-иностранцами смотрел по виду «Последнего бойскаута»).

Услышав музыку, посетители один за другим выныривали из нирваны и впервые за вечер смотрели на часы. «Love and hate what a beautiful combination», – разобрал Макс и сразу полюбил этот мелодичный и местами понятный даже ему хит. Сидевшие рядом Саша с Серёжей рассказали про традицию: заведение закрывается в девять; без десяти девять, в качестве, так сказать, первого звонка, бармен ставит «Love To Hate You», а вторым и третьим звонком (одновременно) служит «Hotel California». Правда, можно оплатить бармену продлёнку, час или два, но сегодня, похоже, народ не при деньгах и продлёнки не будет.

Макс в очередной раз восхитился этим чудесным местом и богатством его традиций. Мысленно прощаясь с «Kangaroo», который за вечер превратился для него в воплощение мечты о вольной и счастливой жизни, он впитывал «Hotel California» и недоумевал, как же так получилось, что он до сих пор не слышал эту изумительную песню. Впрочем, подумал он, впервые услышать такую песню следовало именно в таком месте. «Работа» послышалось ему; он отогнал галлюцинацию, жадно вслушиваясь в чрезвычайно уместное «Such a lovely place, such a lovely place⁷», но тут его тряхнули за плечо. Сидевший напротив Марат наклонился и закричал в ухо:

– Говорю, с работой подумаем. И не парься ты! Летом с ребятами магазин будем открывать, можно туда тебя поставить. Ну, бывай, Макс. Заходи, не теряйся.

– Спасибо! – проорал Максим, оживая. Он лихорадочно начал прикидывать, как продержаться оставшийся до лета месяц. В голове замельтешила всякая дичь насчет не требующих залога кредиторов и не берущих денег вперед сдатчиков жилья. Из хоровода расплывчато-туманных образов вдруг выплыла некая интеллигентная, небедная и вполне ещё свежая – лет примерно тридцати трёх – вдова, да, вдова, кажется, генеральская, проживающая в роскошной сталинке с высоченными потолками и комнатой-библиотекой. «Кстати, так я ж через неё и с военкоматом решу, раз она генеральская», – на полном серьёзе начал размышлять Макс, однако увлекательному походу в альфонсы к генеральской вдове не суждено было состояться. После секундной паузы Марат добавил:

---

⁷ Такое восхитительное место.

– Смотри, если у тебя совсем голяк, то мне и сейчас стоящий человек пригодится. Хорошо платить пока не могу, разве, может, подкину когда немножко по мелочи, но накормить раз в день накормлю. Короче, завтра в десять у меня. Спросишь у общаги РГФ, где меня искать, там любой скажет.

3

Макс долго не мог понять, чем именно занимается его работодатель. Он каждый день исправно являлся в общежитие РГФ, где, занимая лучшую кровать в лучшей комнате – угловой, с окнами на две стороны и прекрасными видами на исторический центр города, квартировал Марат. Не слишком солидное для коммерсанта жильё (всё-таки старая общага с душем и туалетом на этаже – это не отдельная квартира со всеми удобствами) Марат объяснял так: девушки, ради отношений с которой стоило бы снимать хорошую квартиру, у него сейчас нет, а жить по-холостяцки куда веселее в общаге.

Из общаги они выходили на местный Арбат, в кафе «Минутка». Там Марат покупал им на завтрак по стакану кофе и длинной американской сигарете – стомиллиметровые «Кэмел» с «Винстоном» и коричневые девчачьи «Мого» в кафе продавались по 10 рублей штука. Кофе пили на улице, и за завтраком Марат успевал пообщаться с десятком-другим знакомых. Большинство из них были обычными студентами, но попадались и деловые партнеры. С первыми Марат жизнерадостно болтал, либо вовсе не вставая со скамейки, либо стоя около неё; со вторыми же прогуливался метров десять, придав лицу серьёзное выражение и включая фирменную улыбку лишь на секунду, предшествующую прощанию. После кофе шли к телефону-автомату, откуда Марат назначал несколько встреч. Работа Макса сводилась к знакомству с партнером по переговорам и почтительному (как бы демонстрирующему готовность немедленно откликнуться на любое поручение) стоянию в стороне.

В первую рабочую неделю он запомнил студентку-художницу нереальной красоты, которая должна была сделать из бывшего книжного коммерческий магазин «Колониальные товары» – тот самый, куда летом планировалось поставить Макса, и пришедшего с художницей сутуловатого, неприветливого, но шикарного Майкла – он курил американские сигареты, не покупая поштучно, а доставая из пачки. Ещё мелькнул какой-то длинноволосый парень, который взял в Москве у солидных форингов⁸ заказ на пять «лысых». «Лысым» назывался орден Ленина, и в тот раз Макса даже пригласили к участию в переговорах, чтоб узнать, нет ли у него, часом, знакомых провинциалов, которые могут за недорого привезти из своей глухомани хотя бы одного «лысого»; знакомых не было.

Потом Марат затеял объезд винных магазинов в близлежащих райцентрах. Целью была закупка водки по госцене за скромные взятки неприятным и неискушённым (как предполагалось) провинциальным завмагам, желательно женского пола. Сначала пытались поговорить с самими заведующими, но почти везде нарывались на высокомерный отказ, переданный через продавцов. Потом сменили тактику и стали заходить с тыла, то есть с дверей для приемки товара, где знакомились с грузчиками. В одном магазине им повезло – за небольшие комиссионные грузчики пообещали достать ящиков двадцать.

Обратная дорога в полупустом «Икарусе» была восхитительна. Наконец-то наклёвывалась выгодная сделка, после которой можно было рассчитывать на комиссионные, салон насквозь продувался весенним ветром, влетающим в открытые форточки, Марат разъясняя оказавшейся рядом очаровательной попутчице разницу между милой девушкой и славной девушкой, настаивая, что попутчица именно что славная; и от всего перечисленного Макс

---

⁸ Иностранцев.

будто парил в слоях какой-то чудеснейшей атмосферы, сотканной из колоссальных надежд, невероятной лёгкости и приятного чувства голода.

Через неделю позвонили грузчикам, те сказали, что партия товара готова, но сразу ехать к поставщикам с деньгами Марат не рискнул. Он поручил Максиму найти две кожаные куртки и габаритного спортсмена с суровым лицом, а потом съездить к поставщикам на дополнительный раунд переговоров.

– Они должны подумать, что вы – молодые бандиты, работаете у серьёзных людей, поэтому кидать нас нельзя, – объяснил Марат свой замысел.

На роль второго молодого бандита Макс пригласил школьного приятеля Шуру Иванова. Лет тринадцать из своих двадцати Шура посвятил лыжным гонкам, и в результате не только дошёл до сборной Союза, но и довел ширину плеч с объёмом грудной клетки до каких-то нечеловеческих размеров. Последний год он с тем же усердием занимался культуризмом и нарастил на свой выдающийся скелет горы рельефной мускулатуры. Классе в девятом друзья спросили Шуру, ради чего он шесть месяцев в году проводит на сборах и соревнованиях. Тот минуту подумал и поведал, как на заре его отрочества, в пятницу, кажется, вечером, в дверь позвонили, и они с мамой обнаружили, что за дверью лежит мертвецки пьяный отец. Третьеклассник Иванов помогал маме тащить отца до дивана, а мама говорила, что папа работал-работал всю неделю, чтоб им денежки заработать, и теперь вот сильно устал.

– И тогда, – сказал Шура, сидя перед одноклассниками с совершенно неподвижным, бесстрастным лицом (он был похож на плохого русского из голливудского боевика времён холодной войны), – я решил: фиг я вам буду работать, когда вырасту. Буду спортсменом – я от спорта меньше, чем чем папа от работы, устаю.

Блеснул Шура и при знакомстве с Маратом. Тот давно хотел наладить связи со спортсменами, чтобы по мере развития бизнеса организовать нечто вроде охранной структуры. Встречу Марат назначил в ресторане. После закусок Шура, который живо интересовался английским, спросил, что означает бессмысленное при буквальном переводе выражение «Here you are».

– Это очень просто, – с оттенком некоторого покровительства улыбнулся Марат, – это означает «вот, пожалуйста».

В этот момент официант – ему давно внушала подозрение неказистая одежда Шуры и Макса – подошел к их столику и спросил:

– Ну что, молодые люди, рассчитывать-то когда планируем?

– Here, бл... дь, you are, – Шура огорченно развел руками, как бы сетуя на низкий класс местных халдеев, и Марат от хохота сполз под стол.

Работать на общее блестящее будущее Шура согласился даром. А две кожаные куртки Макс взял напрокат в общаге у медиков, расплатившись с хозяевами полученной от Марата валютой советских фарцовщиков – билетами в Большой. Новоявленные бандиты облачились в спецодежду и отбыли к поставщикам.

Два тщедушных грузчика, не обратившие ни на куртки, ни на комплекцию Шуры никакого внимания, предложили им проехать к месту хранения товара внутри грузового фургона. Когда дверцы распахнулись (фургон приехал к каким-то древним железнодорожным сараям), внизу уже стояли пять или шесть человек. Со стороны сараев к ним подтягивалось подкрепление.

В ту же секунду Макс с Шурой поняли, что их собираются грабить. Шура показал глазами направление и прыгнул. Через разрыв, сделанный Шурой в цепочке грабителей, успел пробежать и Макс. Потом была погоня, которую в виду сильно пересечённой местности грабителям пришлось вести без грузовика. Друзей спасло то, что все вместе, толпой, их преследователи бегали куда медленнее, чем они. Если же одному-двум наиболее резвым грабителям удавалось к ним приблизиться, Шура с Максом сами бежали на них, после чего резвые, успевшие, наконец, оценить габариты Шуры, поспешно отступали к стае подельников. В этот момент Шура

с Максом мощным спуртом уходили в противоположном направлении, отрываясь с каждым разом всё дальше.

Остаток дня они провели в подлеске, неподалёку от шоссе, ведущего к областному центру. Только в сумерках рискнули выйти на открытое место, чтобы поймать последний автобус. «Уф-фф, а могли бы ведь и куртки отнять или там испортить», – с облегчением вздохнул Макс, выходя из «Икаруса» около общежития медицинского института, расположенного на въезде в город.

С недавних пор все вопросы относительно его жилищно-гостевого статуса в общежитии медиков были благополучно разрешены. На импровизированном совете шестикурсники Гена и Валера единодушно постановили: представившийся их гостю шанс стать коммерсантом необходимо использовать. Так что Макс может перекантоваться на свободной койке месяц до летних каникул, а там уж пусть до самой осени живет в квартире единолично, в полное своё удовольствие.

Незадолго до наступления каникул Макс познакомился в общежитии с другим знатным шестикурсником – Женей, который чаще откликался на имя Юджин. Новый знакомый порадовал разнообразием интересов, характерным скорее для эпохи Возрождения, нежели для России начала девяностых. Юджин читал философов, учил английский, и одновременно с медицинским, где шел на красный диплом, должен был окончить музыкальное училище по классам гитары и вокала. Ещё он пытался налаживать в городе коммерческие связи для своего отца, предпринимателя из соседнего региона. Как-то во время трёпа обо всем этом или о чём-то другом прозвучали слова «бензин оптом»; Макс спросил у Марата, не интересно ли, Марат сказал «очень» и попросил договориться о встрече. Назначив время, Юджин обмолвился, что придет «с сестрёнкой-выпускницей», которая утром приехала из дома прощупать почву насчёт поступления на здешний РГФ, и оставлять ее одну в день прибытия «как-то не комильфо».

4

Максим опоздал на несколько минут. Марат с Юджином уже сидели на лавочке. Рядом с ними, спиной к Максиму стояла девушка – видимо, та самая сестрёнка. Он ожидал увидеть скучную отличницу (на РГФ был очень большой конкурс), однако фигура, осанка, пластика и тёмно-рыжие волосы девушки совсем не вписывались в придуманный им образ юной зубрилы. А когда девушка повернулась, он был сражён, очарован, убит, повержен, но все эти бурные переживания мозг выразил двумя короткими фразами: «Не может быть» и «Слишком хорошо для меня».

Взглянув на него, девушка улыбнулась. Макс и глазом моргнуть не успел, как лицо стало расплываться в ответной улыбке. Он попытался превратить улыбку в усмешку, добавив во взгляд умдрённости со скептицизмом, но это не вышло, и ему пришлось смущённо отвести глаза. Второй раз Макс взглянул на девушку через несколько секунд, когда они произносили «Максим» и «Станислава» (кажется, Юджин одновременно с ними говорил что-то похожее). Девушка опять ему улыбнулась, Макс снова попытался казаться сдержанным, снова у него ничего не получилось, и тогда они оба фыркнули, а потом протянули друг другу руки.

В этот момент Юджин воскликнул:

– Да вы, кажется, глухие! – и, докричавшись, продолжил на тон ниже.

– Для глухих повторяю: вот моя сестрёнка, которая любит слова и пишет стихи, но тсс – это тайна; а это Макс, он тоже интересный. А теперь, Макс, когда я так замечательно вас познакомил, покажи Стасе центр.

Почти всю прогулку Станислава молчала. Макс, который решил, что неприлично разыгрывать роман при столь дивных финансовых обстоятельствах и жизненных перспективах, – тоже. За час они обменялись всего несколькими фразами. Поэтому быстрота, с которой они

при прощании договорились встретиться снова, удивила Макса. Правда, встреча предстояла сугубо деловая – через три недели, когда Станислава приедет на экзамены, они собрались попрактиковаться в разговорном английском.

До вечера Макс не находил себе места – не мог спокойно стоять, сидеть, лежать и ещё не мог думать о чем-то, кроме её первого взгляда. Ближе к ночи, после того, как тонны железа в спортзале не вызвали усталости, а литры пива в «Кенгуру» – опьянения, он решился. Плюнул на данный относительно романов зарок, занял тридцать рублей, и, купив букетик ландышей у старух, которые круглосуточно торговали около центрального овощного водкой, сигаретами, носками, презервативами и прочим ходовым товаром, отправился к Юджину. В квартире на девятом этаже, где Юджин жил совершенно по-царски, то есть без единого соседа, Макс кроме брата с сестрой застал несколько знатных медиков-старшекурсников, которые либо отслужили, либо отучились на военной кафедре. Его появление Юджин встретил словами: «Клянусь моим талантом – знать бы ещё, каким – если б не сестра, я бы в жизни не собрал столь изысканного общества!». Макс примерно с полчаса бледной молью посидел на кухне, думая про призыв и про то, что через месяц-другой у всех остальных членов «изысканного общества» будет настоящая работа плюс очередь на отдельную квартиру и не будет никаких конфликтов с государством. Он изругал себя за то, что припёрся, а ещё разозлился на Станиславу, чье присутствие превращало эти неприятные, но уже привычные ему ощущения, в ощущения невыносимые. Прощаясь, он вложил в ладонь Станиславы записку с вызывающей цитатой из «Hotel California» (на днях кто-то из зависавших в «Кенгуру» англичан наконец-то продиктовал ему текст):

«Her mind is Tiffany-twisted
She's got the Mercedes Benz
She's got a lot of pretty, pretty boys
That she calls friends»⁹.

Максим твердо решил забыть про это рыжее наваждение. «Сначала разобраться со всем своим дерьмом, а сейчас ни на кого не заглядываться. Ведь если что с кем получится, потом, в армии, ещё хуже будет», – думал он.

Однако с выполнением обещания не задалось: дня через два Юджин вручил ему ответ, сказав: «просила передать, как уедет». В ответе было четверостишие её сочинения, оценивать которое Макс, поэзии не любивший, не рискнул, и приписка на английском: «It's specially for you. Thanks for the flowers. I think you have much in common¹⁰». Он перечитал записку много раз, но так и не понял, может ли надеяться на взаимность. Впрочем, волнение, которое вызвал у него ответ Станиславы, само по себе было очень приятным.

5

Увидев, что кавказцы отвернулись, Макс с места нырнул в ложбину, делившую пляж на две части. В полёте ему пришлось перегруппироваться – иначе бы он приземлился на расположившуюся в укромном месте девушку с книгой. «Очень кстати, – подумал Макс, – прикинь лохом с книжкой», и, мягко упав рядом, непринуждённо спросил:

– Что читаем?

– Гюго, – флегматично ответила читательница, не отрываясь от книги.

---

⁹ У нее на уме только «Тиффани», она ездит на «Мерседесе», вокруг нее толпа милых мальчиков, которых она зовет друзьями.

¹⁰ Это специально для тебя. Спасибо за цветы. Мне кажется, у вас много общего.

– «Отверженные»? – не задумываясь, выдал Макс, с той же нехарактерной для него степенью автоматизма фиксируя, что фигура хорошая, а верх купальника надет наизнанку.

Девушка повернулась в его сторону:

– Что-то я вас у нас на филфаке не видела.

– Ну, был бы я на филфаке, так что другое из Гюго назвал бы. А это ж общая эрудиция, я ведь и «Отверженных» не читал.

– Ну, хорошая такая эрудиция, поздравляю. Да ещё скромный – не иначе мне сегодня везет, – усмехнулась студентка с филфака.

– Мерси, мне, видимо, тоже... Кстати, полотенце, прикрыться, не позволите? Первый раз в этом году на солнце, спина горит...

Макс успел накинуть на голову и плечи полотенце до того, как с ложбиной поравнялась толпа агрессивно настроенных кавказцев. Они искали славян спортивного вида – часа полтора-два назад спортсмены обидели их соплеменников, а Макс пришел сегодня на пляж в компании тех самых спортсменов, которых в зале называли основными. У основных была традиция: собираться по выходным на пляже большой толпой и козырять фигурами. Массовое скопление молодых аполлонов привлекало внимание всех без исключения смазливых купальщиц, и повышала шансы каждого отдельного физкультурника на приятный вечер.

– Пресс, конечно, без кубиков, и вообще рельефа особо нет, – сказал, глядя на Макса, самый основной, который, судя по обрывкам разговоров, работал бандитом на центральном рынке. – Вот рука вроде ничего, да и грудь с ногами потянут. Давай, короче, подтягивайся завтра к десяти на пляж, мы там у лодочной станции тусуемся.

На следующий день на пляже случился межнациональный конфликт. Основному показалось, что два горца слишком уж заглядываются на русских девушек. Он в грубой форме сделал им замечание. Оппоненты ответили не менее резко. Спортсмен, за спиной которого с решительным видом стояли коллеги, заткнул оппонентов двумя молниеносными боксерскими выпадами, а потом зашвырнул в реку их вещи. Горцы отступили, пообещав вернуться с подкреплением.

Полчаса спортсмены возбуждённо кучковались в ожидании грандиозной битвы, но через некоторое время стали вразнобой покидать пляж в обществе снятых на вечер девиц. Макс же спешить было некуда – ни одна из красавиц, слетевшихся на спортсменов, ему не понравилась, да и своего безденежья в такой специфической среде он стеснялся сильнее, чем где-либо. Он остался поплавать, и, сам того не желая, дождался появления мстителей. Опасаясь, что те запомнили его в компании обидчиков, Макс постарался незаметно исчезнуть. Когда горцы стали высматривать в противоположной стороне другого товарища с подозрительным телосложением, он и прыгнул в ложбину, занятую читающей девушкой.

Проходя мимо, мстители бегло осмотрели парочку очкариков-книжечеев, и двинулись дальше. Увидев, что опасность миновала, Макс сказал:

– Ещё раз большое спасибо. С вами интересно, правда. Если вам тоже, давайте продолжим.

– За что спасибо? И что продолжим? – ехидно прищурившись, спросила девушка с книгой.

Утром Макс сидел у нее на кухне, потрясённый случившимся. Точнее, не случившимся, а лёгкостью, с которой всё произошло. Никакой очередной главной в жизни влюблённости, никаких терзаний «а вдруг я ей не нравлюсь», никаких разговоров о чувствах. Привлекательная девушка из породы приличных; его предложение проводить до дома, принятое с явной неохотой; по пути – ничего не значащие ироничные пикировки и экспромты; около её подъезда (Макса позабавило, что новая знакомая живёт в пятидесяти метрах от общаги медиков) – ничуть не удивившее его сообщение о женихе из другого города; и внезапно, перед самым прощанием, как гром среди ясного июньского неба, – приглашение зайти поест, пока родители

на даче. Дальше – прекрасная квартира с набитым колбасой и сыром холодильником (отец – главный инженер крупного завода, а в стране – свобода торговли и начало приватизации), снова болтовня ни о чём и быстрые насмешливые взгляды с обеих сторон.

Незаметно в разговор просочилась тема секса – сначала секса вообще, а потом и возможности секса между ними. Эту тему молодые люди стали развивать в заданной с самого начала беседы иронической и несколько провокативной тональности. Лишь когда они, не меняя тональности, добрались до спальни с неубранной с утра постелью, Макс, чей сексуальный опыт ограничивался отношениями с женой, понял, что шутки кончились, и впервые за вечер растерялся. Эта растерянность сильно смазала первый час; вся история могла бы превратиться в фарс и катастрофу для самолюбия, но девушка отреагировала на фиаско кавалера так, что за оставшиеся до рассвета часы он полностью реабилитировался.

Не посещавшие Макса вечером мысли о влюблённости и сопутствующие им переживания набросились на него утром. Теперь он больше всего боялся, что Света решит остаться с женихом. От вечерней лёгкости не осталось и следа. Макс горячо клялся ей в любви, с надрывом рассказывал о том, в какой заднице он сейчас находится, и мысленно умолял её ответить, что она согласна ждать его хоть из армии, хоть из тюрьмы (вариант «посадят за уклонение» Макс, несмотря на заверения Марата, не исключал). Молчание девушки подводило горячечные монологи Максима к грани, за которой начиналась истерика.

– Света, ты не представляешь, что это для меня, что ты для меня, я же никто, просто никто сейчас, а ты... Так ко мне... Я никогда не забуду, но ты ведь будешь со мной, ты ведь не просто так это всё, ведь да? Да? Ты же не познакомишься на пляже, видно же, что нет, значит, я тебе тоже нужен или был нужен, был и больше уже нет?

Девушка обняла Макса, и, приложив палец к его губам, выдохнула над ухом:

– Я не знаю... ничего пока не знаю... Не спрашивай больше ничего, давай сейчас не будем про «завтра». А вот сегодня мы с тобой обязательно увидимся. Вечером. Хочешь?

Услышав про вечер, Макс слегка ожил и прекратил стенания.

– Да, конечно хочу, очень! Но ты всё-таки пообещай мне: если я пропаду, обязательно найди меня. Дай бумагу, пожалуйста, я сейчас запишу тебе все адреса и телефоны. Если меня долго не будет, значит, что-то случилось.

6

В бизнесе вместо ежедневных переговоров из анекдота, в котором два коммерсанта назначают на завтра сделку по купле-продаже вагона водки, после чего первый отправляется искать вагон водки, а второй – деньги на вагон водки, замаячило вполне понятное и, кажется, на этот раз действительно осуществимое дело. Шикарный Майкл (тот, который покупал американские сигареты не поштучно, а пачками), добыл через отца договор на поставку пива прямо с завода.

Первая отгрузка должна была состояться недели через полторы, и за это время надо было пристроить будущий товар. В городе ходили слухи о пивной мафии, поэтому соваться с предложениями в местные торговые точки Марат с Майклом поостереглись. Макс проявил инициативу и смотался в родной город, где, шарахаясь от всех, кто мог его узнать, обошёл несколько частных магазинов.

Бутылочное пиво ценилось (не разбавляют) и было в провинции большим дефицитом – почти всё пиво, произведенное областным заводом, десятки тысяч ящиков в день, забирали москвичи, которые регулярно и помногу заносили в отдел сбыта.

Частники из райцентровских кооперативов довольно легко согласились взять всю первую партию, двести ящиков, но с отсрочкой половины платежа. Поскольку маржа должна была

составить больше ста процентов, риск практически исключался – Марат и компания как минимум оставались при своих. Отчет о переговорах Марату очень понравился.

– Супер, всё просто супер складывается, главное начать, а там раскрутимся, на остальные райцентры выйдем, товар будем брать раз в неделю, объём увеличим, папик Майкла это дело непременно пробьёт, – говорил он, лучезарно улыбаясь. – Лето поработаем, потом возьму какую-нибудь хорошую девочку, и рвану с ней в Крым. Или вот в Питер. Осенью в Питер даже лучше, пожалуй. Люблю осень, люблю Питер, люблю Питер осенью. А уж как я хороших девочек люблю... Кстати, Макс, а ты что хочешь?

Макс в очередной раз восхитился жизнелюбием Марата и непринуждённостью, с которой Марат это жизнелюбие транслировал во внешний мир, но сам ответил сдержанно: он запретил себе верить в то, что его желание исполнится.

– Ну, я, наверно, с армией решить хочу.

– Да ладно тебе, с этим по ходу решим. Сейчас ты чего хочешь?

– Денег.

– Деньги ерунда, инструмент. Важно на что ты их потратить хочешь.

– Хорошо, – сдался Макс (но всё-таки сделал крайне важную для себя оговорку). – Когда с армией решится, хочу купить хороший джинсовый костюм.

– Ок, – легко согласился Марат. – Значит, будет тебе фирменный джинсовый костюм из валютника¹¹.

Света пока так и не пообещала бросить одобренного родителями жениха. Она иногда плакала у Макса на плече, жалуясь, что ей сейчас очень тяжело, но от расспросов о причине слёз отмахивалась. Однако Макс видел, что девушка привязывается к нему всё сильнее, и возвращения Светы к жениху больше не опасался.

В тот первый обещанный Максимум вечер она зашла за ним к медикам, а ночью сообщила, что родители, кажется, пробудут на даче ещё недели две. Опасаться следует только их краткосрочных визитов, которые обычно приходятся на светлое время суток. Впрочем, светлое время суток юные любовники и без того проводили порознь. Она готовилась к сессии, он – к пивной сделке. Зато время с полуночи до шести утра (раньше и позже велика была вероятность столкнуться в подъезде с соседями) принадлежало им полностью. В такие ночи Максим верил, что скоро всё у него будет очень хорошо. Он загадал: если Света останется с ним, если у них будет серьёзно, то с армией всё рассосётся само собой. Вопрос «а почему, собственно, рассосётся?», который постоянно маячил на задворках сознания, Макс не формулировал из суеверия. Вместо чёткой постановки вопроса и поиска аргументов для ответа он предпочитал адресовать на те тревожащие его покой задворки некое интуитивное, не облечённое в слова ощущение. Дескать, с чувственными удовольствиями Светиной постели и сытым уютом её кухни угольники из стройбата как-то совсем не гармонируют, и быть не может, чтоб два таких разных мира вдруг взяли бы и пересеклись.

7

Отгрузку назначили на шесть утра. Родители Светы приехали с дачи с ночёвкой, что избавило Макса от непростого выбора между очередной порцией удовольствий и необходимостью как следует выспаться перед важным делом. Ему наконец-то представился шанс блеснуть перед Маратом и Майклом, показав себя с наилучшей стороны. Дело в том, что на аренду грузовика и оплату товара ребята истратили все имевшиеся у них деньги. Рассчитываться с давно

---

¹¹ Магазин импортных товаров, где принимали только свободно конвертируемую валюту (например, доллары США или западногерманские дойчмарки).

отвыкшими работать за зарплату заводскими грузчиками было нечем, а бесплатно грузчики не только еле ползали, но и роняли каждый второй ящик, чтоб проучить жадных покупателей.

Это было ремесло, которым Макс, благодаря спортзалу, стройке и участию в многочисленных студенческих шашках¹², владел профессионально. Причем, если к перемещению тяжёлых негабаритных грузов (например, к тасканию трехстворчатых шкафов или двухкамерных холодильников по узким советским лестницам) он испытывал стойкую неприязнь, то выполняемые на высокой скорости упражнения со стандартными предметами небольшого и среднего веса (кирпичи, ящики, связки книг, коробки с мороженой рыбой) были его любимым видом грузчицкой атлетики.

Транспортёр на заводе был настроен так, что 200 ящиков, которые получали Марат с Майклом, требовалось загрузить в машину минут за пятнадцать.

«Кузов – метра три с половиной. Если снимать и ставить не подходя, на вытянутых – выпад на колено к транспортёру, рывок, шаг назад с разворотом, снова выпад и ставим – получится два шага; в обе стороны – четыре. Ящик килограммов пятнадцать, так что пять секунд на ящик – за глаза и за уши», – размышлял Макс. Было около одиннадцати вечера, и он собирался лечь максимум через час. – «На первой сотне вообще не вопрос, а вот дальше резкость будет уже не та, так ведь и крайний ряд ближе... Но на всякий случай надо...», – в этот момент Макс услышал стук во входную дверь. Звук был слегка приглушён дверью, ведущей в комнату. Через несколько секунд комнатная дверь распахнулась, и в проёме возник один из шестикурсников, готовившихся на кухне к последнему госэкзамену. С наигранным недовольством шестикурсник пробурчал:

– Опять к тебе. Житья нет от твоих баб.

– Спасибо, извини, но вообще-то я ее сегодня не ждал, сегодня же у нее вроде родители по графику, – ответил Макс, выходя в прихожую. Там он крикнул вдогонку шутнику, удалявшемуся в направлении кухни:

– Да, Ген, зачем же про баб, да ещё во множественном числе? Что девушка-то подумает!

Тут он, наконец, посмотрел в сторону входной двери и обомлел.

– Это я приехала. Ты не передумал со мной учиться? – глядя куда-то в пол, сказала Станислава.

– Да. То есть нет. В смысле, не передумал, учиться не передумал, – пробормотал Макс, и, с трудом вырывая на деловитый тон, уточнил: – Где и когда? Здесь ребята готовятся, так что сегодня точно не выйдет.

– Женя всё сдал вчера, уехал, я сейчас живу у него на девятом одна. Можно у меня. *By the way, let's start to speak English*¹³, – Станислава перестала смущаться и улыбнулась, а вот Макс из-за её улыбки занервничал. Кажется, то майское наваждение, о котором он, встретив Свету, и думать забыл, возвращалось.

«Но это же учиться, да и вообще потом отмажусь потихоньку. Днём мне некогда, а вечером... ну, вечером пока разве что на час, не больше, но уж когда у Светы родители уедут, то извините».

Макс старался казаться бодрым и уверенным, но состояние его было близко к панике. Не меньше минуты он переводил сказанное Станиславой и мучительно подбирал иностранные слова для ответа, одновременно пытаясь внушить себе, что скованность и подавленность вызваны исключительно отсутствием разговорной практики и желанием не ударить в грязь лицом. Однако вредный внутренний голос хохотал над его попытками обмануть себя и развязно кричал в ответ: *come on guy*¹⁴, ты же прекрасно понимаешь, в чём дело! В высоких вес-

---

¹² Срочная, хорошо оплачиваемая работа.

¹³ Кстати, давай начнем говорить по-английски.

¹⁴ Да брось ты, парень!

нушчатых скулах; в приглушённом тембре и в естественности интонаций, среди которых пусто-вато-иронические находятся в меньшинстве; в поблескивающих за губами крупных белых резцах; во влажном сиянии ее глаз – и больше ни в чём.

– Хорошо, давай говорить по-английски. Когда начнём? – Макс, наконец, сконструировал эту фразу на английском, и услышал в ответ:

– Может, прямо сейчас?

Оказавшись у неё на девятом, Максим как-то сразу, без специальных усилий, расслабился. Он перестал дёргаться из-за Светы; перестал думать про то, что в виду полной неопределённости (но при этом весьма очевидной бесперспективности) своего финансового положения никак не подходит такой шикарной девушке, как Станислава; перестал гадать, насколько ясно Станислава поняла, что он сейчас несвободен.

Отметив, что больше не волнуется, Макс подумал: «Ладно, не я это начал, а раз так получается, то сопротивляться глупо. Очень глупо. Жизнь прекрасна и удивительна. Наслаждайся!». (На последнем слове напутствующий Макса внутренний голос как бы хлопнул нашего героя по плечу).

Часа через два он вспоминал этот самодовольный настрой на роль опытного соблазнителя не иначе как с саркастичной ухмылкой. Нечто, заставившее его дико волноваться при появлении Станиславы, всё ещё витало в воздухе, но ни о какой материализации этих, как выразился классик, чувственных идей и думать не приходилось. Собеседники честно мучились, разговаривая только по-английски. Они подолгу подбирали слова и часто переспрашивали друг друга, с трудом приравниваясь к чужому произношению. Станислава знала язык неплохо, Макс же словарного запаса не хватало катастрофически. Вскоре самым популярным стал вопрос «О чём ты сейчас думаешь?». Он возникал всякий раз, когда молчание начинало опасно балансировать на грани неловкости.

Прорезавшееся вдруг чувство голода пришлось очень кстати. Они приготовили яичницу, и за ужином Станислава вполне бегло пересказала байку про Маккартни: якобы тот, когда писал «Yesterday», не знал, что это будет песня про «yesterday», зато был голоден и напевал подходящее по размеру «scrambled eggs»¹⁵. И тут Макса осенило: да ведь они ещё не обсудили самую лучшую тему! Тему, в которой он мог прихвастнуть знаниями, не продираясь сквозь грамматику и не замолкая ежеминутно из-за незнания нужного слова. Они же до сих пор не поговорили о музыкальных пристрастиях и англоязычной песенной лирике, чёрт её подери!

Отбарабанив с десяток текстов «Pink Floyd», «Metallica» и «Dire Straits», Макс выдохся и лишь тогда удосужился спросить:

– А как насчет твоей любимой музыки?

– Больше всего я люблю «Queen». Пожалуй, «Queen» я люблю больше всего в жизни.

Услышав про «Queen», Макс с криком «wait a moment!» сорвался в прихожую, радуясь недавно появившейся привычке выходя из квартиры на полчаса брать с собой все главные вещи, и извлёк из спортивного рюкзака магнитофон. Макс убежал из райцентра налегке, поэтому взял с собой в новую жизнь только одну кассету – с купленным когда-то по совету знакомого меломана квиновским «Innuendo»¹⁶. С тех пор альбом он слушал раза два, и оба, признаться, без особого удовольствия. Зато сейчас он готов был молиться на эту кассету.

– Вот, пожалуйста, – сказал Максим, положив кассету на стол. – «Queen». «Innuendo»¹⁷.

– Спасибо, – улыбнулась Станислава и направилась в комнату, попросив: – Пожалуйста, подожди здесь. Я давно собиралась переодеться.

---

¹⁵ Яичница.

¹⁶ Последний альбом «Queen», записанный при жизни Фредди Меркьюри. Название альбома переводится как «Намёк».

¹⁷ Вот, пожалуйста – «Queen». Альбом «Innuendo».

Она вернулась через минуту. Услышав её шаги, Макс нажал «play», и Станислава вошла на кухню под торжественно-тревожную барабанную дробь, сопровождаемую медленным отсчётом Фредди – «One, two, three, four...». Она переделась в лосины и тонкий свободный свитер, про который Макс сразу догадался, что он на голое тело, а ещё в эту секунду он понял, что «Innuendo», с которой начинается альбом – фантастическая песня.

– Is this innuendo?¹⁸ – пошутил он, имея в виду замену уличного джинсового костюма на куда более волнующую домашнюю одежду, и не замечая каламбура, возникающего из-за названия заглавной песни альбома.

– Yes, you're absolutely right. It's «Innuendo»¹⁹, – с подчёркнутой серьёзностью ответила Станислава, улыбаясь одними глазами.

Позже Макс не мог вспомнить, как они оказались рядом, и как он решился её поцеловать. Просто он вдруг увидел её лицо так близко, что ещё до поцелуя почувствовал обволакивающую мягкость её губ и дразнящую упругость быстро жалящего языка.

Когда они перестали целоваться, семиминутная «Innuendo» уже сменилась второй вещью, «I'm going slightly mad»²⁰, которая, как разобрал Макс, была про то, что это наконец-то случилось: Фредди сходит с ума, а одна тысяча и один жёлтый нарцисс начинают танцевать перед ним.

– I'm going slightly mad. It finally happened. Happened²¹, – повторила Станислава вслед за Фредди и неожиданно перешла на русский: – Смешно, что слова так подходят. Но это правда.

Через десять минут нацеловавшийся до одури Макс летел вниз по ступенькам, с восторгом выкрикивая про себя слова четвёртой песни: «I can't live with you. But I can't live without you!»²², делая упор на второй фразе, которая (как, впрочем, и всё остальное этим очень ранним утром) была про Станиславу. До начала отгрузки оставалось не больше часа, за который ему предстояло пробежать через весь город. Он добежал вовремя и, отлично разогретый, закидал двести ящиков в таком сумасшедшем темпе, что даже успевал приплясывать от нетерпения у, как ему казалось, еле-еле ползущего транспортёра.

8

В райцентре один из трёх частников отказался принимать товар, явно пытаясь сбить цену, но Максим, которому сегодня не просто везло, а, как тогда говорили, пёрло, быстро пристроил отказную партию в другом месте. Правда, дальше везение чуть не закончилось – на обратном пути водитель пробил два колеса, и в столицу области они вернулись за полночь. Марат предложил заночевать у него. Макс уже начал прикидывать, что лучше: до утра маяться здесь бессонницей, думая о Станиславе, или отправиться пешком к медикам на окраину, чтобы за час пути окончательно вымотаться и уснуть там у одноклассника, в квартире на втором, поближе к ней, как вдруг водитель обмолвился, что едет ночевать к семье, вывезенной на лето в деревню, а путь к деревне лежит через ту самую окраину, где стоит общежитие медиков («и ещё – Светин дом», – напомнил ликующему Максу вредный внутренний голос).

По дороге этот голос прорезался снова, чтобы сказать: «прежде чем лететь на девятый этаж, ты, как честный человек, должен посмотреть, горят ли окна у твоих медиков на втором, а ещё лучше – взглянуть на окна Светы, которая вполне может быть дома одна, без родителей». Но и для того, и для другого требовалось дойти до общежития и обогнуть его, а окна

---

¹⁸ Это намек?

¹⁹ Да, ты совершенно прав. Это «Намёк».

²⁰ «Я потихоньку схожу с ума».

²¹ Я потихоньку схожу с ума. Наконец-то это случилось.

²² Я не могу жить с тобой. Но и без тебя жить невозможно.

Станиславы было видно с трассы. Когда до поворота, после которого открывался этот лучший в мире вид, оставалось несколько секунд, Макс уже не мог думать о правильных и неправильных поступках – он представлял, как машина сейчас повернёт, и он увидит, что Станислава ещё не спит.

Судя по окнам, она действительно не спала. Он влетел на девятый едва ли не быстрее, чем утром спустился на первый. Сердце колотилось где-то в районе горла, пока он деликатно стучал в дверь, хрипло и восторженно выдыхая финал четвёртой песни, где варианты «не могу жить с тобой» и «не могу жить без тебя» больше не чередовались:

«I can't
Live without you,
I can't
live without you,
I can't
live without you,
baby, baby, baby...»

Она открыла очень быстро. Макс выпалил: «Там ребята к госам, у них завтра, спать уже легли, а у тебя свет, и это, в общем, я подумал...», но Станислава его перебила:

– Ты есть хочешь?

И, не дождавшись ответа, добавила:

– Правда, вода в душе только холодная...

Во время ужина (яичница и салат из свежей капусты) взбодрённый ледяным душем Макс чувствовал себя великолепно. За отличную работу Марат выдал ему пятьсот рублей (авансом, не иначе, думал довольный успешной сделкой Макс). Поэтому сегодня сцена «двое на кухне» имела совершенно иной вид, гордый и правильный. Не запутавшееся ничтожество с чужим призом, а удачливый добытчик и женщина, ради которой он старался. Правда, слишком уж семейный финал этой сцены – Станислава сообщила о том, что застелила для него вторую кровать – несколько обескуражил Макса, но, рассудил он здраво, после бессонной ночи и крайне напряжённого дня это оно и к лучшему, а лучшее и завтра вечером никуда теперь от него не денется.

Положив голову на подушку, он моментально провалился в какой-то странный видеоклип. По транспортёру шли пивные ящики, потом прозрачные бутылки с напитком жёлто-янтарного цвета вылетали из ящиков и начали кружиться перед Максом, а за кадром пел Фредди:

«One thousand and one yellow beer bottles
begin to dance in front of you»²³.

Вдруг в звукоряд вклинился тихий женский смех. Даже находясь внутри сна, Макс понимал, что это смеётся Станислава. Он приподнялся на локтях и спросил, что её насмешило. Вместо танцующих бутылок перед глазами появилась спинка кровати (они спали голова к голове).

Оттуда донеслось:

– Так, ничего особенного. В это невозможно поверить, но мы, кажется, и правда легли спать.

подавив смешок, Станислава заметила:

---

²³ «Тысяча и одна желтая пивная бутылка начинают танцевать перед тобой». Переиначенная цитата из песни «I'm going slightly mad» – «Тысяча и один желтый нарцисс начинают танцевать перед тобой».

– Жалко, телевизор перед сном не посмотрели – выглядело бы всё ещё приличнее. И смешнее.

Макс резко поднялся, сев на кровати по-японски²⁴.

– Да, я понимаю, но... Скорее всего, я очень устал, ведь несколько ночей... точнее, не несколько, а вчера ночью не спал. В общем... Ну, короче, я не могу ничего гарантировать. В смысле результата, – осторожно уточнил он.

В груди появился знакомый по первому свиданию со Светой холодок, а сердце без всяких прыжков вверх по лестнице снова как с цепи сорвалось.

Станислава перестала смеяться и тоже села, но иначе – обхватив колени руками. Теперь они смотрели друг на друга, разделённые невысокими спинками кроватей и двумя метрами предзвездных июньских сумерек.

– Мне не нужен результат. Мне нужен ты, – сказала Станислава.

9

Полученный от Марата аванс Макс до копейки истратил на следующий же день. Поздним утром он притащил ей охапку крупных тёмно-бордовых роз, пачку американских сигарет, гроздь бананов и плитку швейцарского шоколада.

Вечером медики со второго уехали, оставив ему квартиру, но к вечеру Максим уже жил у Стаси.

Наверняка первая неделя их романа была под завязку набита если не событиями, то всякими дурашливыми репликами, страшно важными для них обоих признаниями и очаровательно-глупыми нежностями. Однако какие-либо детали, диалоги и другие подробности тех дней очень быстро исчезли из памяти. Несколько лет спустя он много раз пытался восстановить их и напивался, с каждой новой рюмкой всё истовее веря, что именно этот глоток дарит ему самый верный шанс. Что именно после него он ещё удачнее нырнет в глубины сознания и окажется перед входом в какую-нибудь подводную пещеру, где неизвестно кто и неизвестно зачем спрятал весь материал, отснятый памятью в те волшебные дни.

Во время таких погружений ему нередко попадались обрывки искомой пленки, но лишь одна выловленная сценка содержала хоть какое-то подобие действия и проходила по разряду кинематографа, а не моментальной фотографии.

Жарким полднем они выходят из общежития и направляются туда, где, как им представляется, должна находиться река. Долго идут через заброшенную промзону по утонувшим в траве железнодорожным путям (на этих кадрах, которые, как и весь фрагмент, были сняты в чёрно-белом цвете, он всегда чувствовал запах креозотовой пропитки из разогретых солнцем шпал). Вот он несёт Стасю на руках, а вот они продолжают движение, но теперь она сидит у него на плечах, высматривая реку. Входят в воду с крохотного песчаного пляжа, и медленно, держа головы над водой, плывут к железнодорожному мосту. Он движется сбоку от неё и, не отрывая взгляда от ее лица и собранных в хвост длинных рыжих волос, тараторит без остановки; она смотрит вперёд, но по тому, как она улыбается, видно, что его болтовня ей приятна. Правда, понять, о чем он говорит или чему она так хорошо улыбается, невозможно – эпизод снят без использования микрофона.

Немота героев вызывала досаду, но именно она придавала сцене значимость, оставляя пространство для фантазий о чудесных, полных взаимной влюблённостью диалогах. Ещё более значимым этот немой отрывок делал саундтрек – при каждом просмотре, Макс, заез-

---

²⁴ Для принятия этой позы надо встать на колени, а затем опустить ягодицы на пятки. При этом ступни должны быть обращены вверх, а голеностопы – лежать на полу.

дивший плёнку до дыр, слышал за кадром «These are the days of our lives²⁵», восьмую песню с «Innuendo». Она и в дни съёмок казалась Максy выдающейся, но на себя он её не примерял – тогда ему не хотелось возвращаться в прошлое, ему хотелось поскорее рвануть в прекрасное будущее, где будут деньги, идеальные девушки и не будет призыва в армию; зато впоследствии песня каждый раз вышибала из него дух пророчеством, сбывшимся до буквы:

«Sometimes I get to feeling
I was back in the old days – long ago.
When we were kids, when we were young
Things seemed so perfect – you know?
The days were endless, we were crazy – we were young
The sun was always shining – we just lived for fun
Sometimes it seems like lately – I just don't know
The rest of my life's been – just a show...²⁶»

В общем, всё, что Макс потом точно знал о первой неделе их романа, – что была она совершенно упоительна, и пролетела как один день, ну, или как одна ночь; ведь их ночи, наверное, были содержательнее дней. По крайней мере, именно громкий шёпот Стаси (по ночам они почему-то всегда говорили шёпотом – даже когда обсуждали планы на следующий день и прочие бытовые мелочи); этот шёпот, от которого прозрачные летние ночи делались темнее и таинственнее, он вспоминал при первых звуках любой песни из «Innuendo». Впрочем, словом «вспоминал» вряд ли можно описать те ощущения. Он не помнил слов, мизансцен, не помнил мимики или жестов. В такие моменты память транслировала нечто эфемерное – атмосферу, интонацию, настроение... Он просто снова попадал туда – в июнь 1992-го, в комнату на девятом этаже общежития мединститута. Он снова был там и упивался разлитым в тамошнем воздухе счастьем. Счастьем, которого почему-то не ощущал тогда.

10

В назначенный срок все покупатели из райцентра рассчитались за пиво. Макс вёз деньги в приятном волнении, пытаясь угадать, какой процент положит ему Марат. Конкретного разговора о зарплате у них пока так и не состоялось, «но, – думал Макс, – был же разговор про фирменный джинсовый костюм, а такой костюм в валютнике не меньше сотни баков стоит, то есть в рублях – тысяч десять. Ясно, что не за один раз, но я на десятку сейчас и не претендую. Кстати, местные грузчики, чтоб эти несчастные двести ящиков закидать, пятихатку²⁷ просили, так что, считай, те пятьсот рублей аванса я точно отработал. Но я ж не только грузил-возил-разгружал, я, получается, всю партию продал, сам не верю, но ведь вот они, деньги-то. Конечно, повезло мне, что такой товар продать доверили, и что купить согласились – тоже повезло, но я же, как ни крути, один его продал, сам, и даже дороже продал, чем продать просили».

По подсчётам Макса, чистая прибыль составила чуть ли не тридцать тысяч рублей. Продолжая мысленно разговаривать с собой, он назвал желаемым вознаграждением пять процентов, но сделал это только чтоб не сглазить и ещё сильнее обрадоваться десяти процентам, на которые рассчитывал как бы втайне от самого себя.

---

²⁵ «Те дни нашей жизни».

²⁶ Иногда я будто возвращаюсь в дни, прожитые много лет назад. В дни, когда мы были как дети, мы были молоды, а все вещи казались совершенными – ну, ты знаешь. Те дни для нас, молодых и сумасбродных, длились бесконечно. Для нас всегда сияло солнце, и мы просто жили в свое удовольствие. Иногда мне кажется: все, что происходило в моей жизни после тех дней, было просто спектаклем, каким-то ненатуральным спектаклем.

²⁷ 500 рублей.

Однако даже пять процентов, о которых он разрешил себе думать, эти верные пять процентов после пересчёта в рубли – целых полторы тысячи! – вызывали у него дикий восторг. Несмотря на гиперинфляцию, о которой Макс год назад читал в «Чёрном обелиске», а в последние полгода имел удовольствие наблюдать лично, слово «тысяча» всё ещё могло ласкать слух. Но самое важное – на эти деньги можно было купить много хороших продуктов и нормально питаться несколько недель. В последние дни Макса очень сильно угнетала мысль, что они со Стасей едят чёрт знает что. Например, пожухлые капустные листья, сдобренные ложкой мутного подсолнечного масла и в таком виде бездарно прикидывающиеся свежим салатом. Или залитые крутым кипятком овсяные хлопья «Геркулес», претендующие на гордое звание «каша». Нормальная каша на молоке, с сахаром и сливочным маслом, не говоря уж о какой яичнице с помидорами и луком, для них теперь очень большой праздник.

Был и другой факт, который огорчал Макса гораздо сильнее скудости меню. Это составляющее теперь их рацион чёрт знает что, Стася покупала на свои деньги, а сам он с их первого дня сидел без копейки. Денег не хватало даже на дешёвые болгарские сигареты, и они курили «Беломор». Блок папирос, десять перетянутых полоской упаковочной бумаги пачек, Макс дня три назад нашёл в кухонном шкафчике оставленной ему на лето квартиры. Кроме сигарет в шкафчике обнаружилась едва початая двухлитровая банка спирта. Её он тоже прихватил на девятый, имея в виду прежде всего калорийность продукта – пить спирт хоть в чистом виде, хоть в разведённом, Максу было противно.

Перетаскивая припасы наверх, он в который раз припомнил себе так неразумно потраченные пятьсот рублей аванса. Розы, понятное дело, засохли, и Стася развесила их на лоджии, соорудив оригинальные, но совершенно бесполезные (так после очередной порции салата из прелой капусты подумалось голодному Максусу) в плане питательности шторы. А сигарет, бананов и шоколада им хватило всего на один день красивой жизни, которую всё активнее рекламировали по телевизору.

11

Пересчитав деньги, Марат тепло поблагодарил Макса и поделился планами:

– Сейчас к Майклу, наличку ему сдать, чтоб папик на завод безнал заслал на новую партию, ну, а потом обмыть выручку надо. Ты со мной?

Максиму хотелось ответить, что он предпочёл бы получить свою зарплату прямо сейчас, в менее, так сказать, торжественной обстановке. Очень уж ему не терпелось пробежаться по магазинам, чтоб вечером порадовать Стасю хорошим ужином. Но сказать об этом он постеснялся и принял приглашение.

Вечером в «Кенгуру» Макс любовался, как красиво Марат тратит деньги. Сначала он радовался каждому широкому жесту своего работодателя, гордясь сопричастностью к празднику. Кроме того, он был уверен, что наблюдаемый разгул – пиво ящиками, купленная у бармена из-под прилавка за три уличных цены водка, цыплёнок табака и пачка «Мальборо» на каждый стол – доказывает одно: сделка прошла удачнее, чем ожидалось, стало быть, не исключено, что он получит больше пяти процентов. Только в десять вечера, когда Марат заплатил бармену за второй и последний час продлёнки, ни словом к этому моменту не обмолвившись о зарплате для своего работника, Максим понял, что денег ему не видать, и начал пить водку.

«Нет, ну а на что тут обижаться, сам виноват, – уговаривал себя Макс, – сам эти проценты навывдумывал, с Маратом ведь разговора про долю не было. Правда, про джинсовый костюм был, а его ведь на ту пятихатку не купишь... С другой стороны – ну какой костюм, какая сейчас, в моём-то положении, доля? До сих пор не в стройбате, сыт, пьян, курю „Мальборо“, в таком месте пью, с такими людьми, с таким другом – я ж два месяца назад, как первый раз

сюда вошёл, и мечтать не мог». Макс махнул из тонкостенного стакана граммов сорок или пятьдесят, запил из бутылки пивом и поморщился от наимерзейшего сладковатого привкуса: пиво оказалось смешанным с водкой.

Он приложился к нескольким бутылкам в поисках чистого пива и не нашёл его. Макс ругнулся в адрес той гниды, которая зачем-то долила водки во все ёмкости с пивом, и продолжил оправдывать работодателя: «Да, а Марат и не обещал зарплату; обещал подкармливать и денег подкидывать, причем, сказал „немного подкидывать“, и я радовался, помню же, как тогда радовался, разве что до потолка не прыгал, как радовался, что работа есть. Пятихатку он, как пиво отвезли, выдал, это даже больше, чем немного. В общем-то, всё по-честному получается. А к осени раскрутимся посерьёзнее, вот там и про долю поговорить можно будет».

Уговоры помогли ненадолго. Стоило вспомнить о Стасе, как ему снова становилось тошно. Конечно, Макс не рассказывал ей об ожидавшемся сегодня доходе – хотел удивить. Но он так живо и так долго представлял, как вернётся в их квартиру на девятом с рюкзаком еды и даже с небольшим непрактичным букетом, что теперь чувствовал себя треплом, которое обмануло девушку. С каждым новым глотком он всё стремительнее терял человеческий облик, понимал это, и, пытаясь заглушить вызванный осознанностью ужас, пил ещё. Вскоре он до того погано опьянел, что готов был завывать от стыда не только за свое нынешнее состояние, но и за сам факт своего существования.

«Да заткнись ты, я знаю, что я ей ничего не обещал! – спустя несколько порций орал Макс на продолжающий его уговаривать внутренний голос. – Но я ещё знаю, что она этого ждёт, она должна этого ждать, то есть должна верить в меня, и ждать, а я должен нас кормить. Ей же только пальцами щёлкнуть, она с золота есть будет, а она меня терпит и этой капустой прошлогодней со мной давится. Кстати, зачем она меня терпит? Это же из жалости, ясно, что из жалости, или связалась по глупости, а теперь совесть не позволяет, ну так нах... й мне её жалость не сдалась вместе с совестью!»

Сквозь эти оглушительные слова в сознание просочилась еле слышная «Love To Hate You». Он выскочил танцевать, и в ту же секунду какой-то невидимый (но, судя по силе, – огромный) соперник поймал его на борцовский прием «мельница», больно воткнув головой в пол. Стало темно. Когда свет снова включили, Макс увидел себя стоящим в центре общежитского туалета. По правой от него стене шёл ряд тесных разваливающихся кабинок с унитазами внутри, а слева, возле окна, на возвышении, напоминавшем о тронном зале, располагалось белоснежное биде. Вид надменный и дерзкий биде придавали не только постамент и несовместимая со здешним антуражем белизна, но и тот факт, что рядом с ним не посмел встать ни один из местных плебеев – коричневато-жёлтых от въевшейся мочи унитазов, хотя штук пять-шесть вокруг биде могло поместиться запросто. В таком богатом контексте лежавшая в биде смердящая куча воспринималась как нечто, призванное поставить этого гордого выскочку на место.

Заметив биде, Макс решил, что случайно зашёл в дамский, и даже успел огорчиться грубости нравов, царящих среди местных барышень. Но два парня, которые вошли в сортир и с полноправным хозяйским удовольствием (то есть – присев, закурив и развернув для чтения обрывки газет) стали им пользоваться, опровергли версию, что сортир женский. До Макса, наконец, дошло: это всё неправда, он сейчас болен, он бредит. Надо срочно бежать к реке, чтоб освежиться и не дать бреду свести себя с ума.

На мягких ногах, размашисто петляя и время от времени ударяясь о стены широкого коридора, он побежал от наступающей его неведомой болезни. Вывалившись из общаги РГФ на улицу, он упал лицом в асфальт, а когда перевернулся, увидел Стасю. То, как она через полгорода довела или довезла его до общежития медиков, а потом втащила на девятый (лифт по ночам не работал), он не помнил. Зато помнил, как шатаясь и постоянно поскользываясь, пытался стоять (но в итоге всё-таки был вынужден сесть, причем, даже не сесть, а располз-

тись по дну ванны каким-то бесформенным кулём) под ледяным душем. Как лёг в комнате на пол, пристроив в изголовье учебники по английскому, и как с вызовом заявил, что будет спать здесь, поскольку еды опять не принес и нормальной постели, а тем более общества такой шикарной девушки в этой постели не заслужил, и, честно признаться, вряд ли когда заслуживал, да и вообще – не пора ли Станиславе перестать его жалеть и исправить эту давно ставшую для нее очевидной ошибку...

Поздним утром он долго лежал на полу не открывая глаз, и убеждал себя, что кислый запах блевотины просто мерещится ему со вчерашнего перепою. Потом он встал, увидел мокрые пятна на паласе, и несколько минут простоял без движения, глядя в одну точку. В эти минуты он все силы тратил на то, чтоб отключить мозг и не представлять, что должна была думать о нем Стася, когда отмывала пол рядом с его мерзким опухшим лицом и отвратительным бесчувственным телом. Сделав сто или двести отжиманий, он не меньше получаса провел под душем, разгоня ледяной водой застывшую от гадливости кровь и пытаясь смыть с себя неизвестно что, а потом вышел на кухню и попросил у Стаси прощения.

Она негромко ответила «хорошо» и спросила, что случилось, он снова сказал про деньги, она резко оборвала его. Он растерялся, затем отодвинулся и впервые посмотрел на неё так, как собирался посмотреть при знакомстве. «Не задавайтесь, дамочка, вы, конечно, не про меня, да ведь и мне не очень-то и хотелось» – вот что можно было прочесть в его хамоватом взгляде. Когда он понял, что сейчас ему станет стыдно за свою выходку, и что выражение лица у него наверняка изменится, если уже не изменилось, он быстро вышел из квартиры.

12

Увидев Максима на пороге своей комнаты, Марат приветствовал его словами «не, ну надо же – живой», и поинтересовался, куда это Макс вчера исчез после того, как его проводили до туалета. Макс в телеграфном стиле ответил, что вышел проветриться, а на улице встретил девушку, с которой и отбыл. После чего осторожно расспросил Марата о событиях вчерашнего вечера. Выяснилось следующее.

Покинув «Кенгуру», компания решила продолжить в комнате у Марата. Макс пришел в общежитие своим ходом, мало того, по дороге он довольно живо и внятно со всеми общался. На полпути от «Кенгуру» до общаги они встретили человека, которого Макс отрекомендовал как своего двоюродного брата, с которым не виделся двести лет, и который в итоге просидел с компанией до утра. Прибыв к Марату, Макс ещё какое-то время вместе со всеми пил водку, потом попросил показать ему работающий туалет и исчез.

Удивившись новости про брата, и узнав, что ничего слишком стыдного в этой компании он вчера не делал, Макс решил прояснить самый страшный вопрос: чем же всё-таки вызвана странная галлюцинация – биде в мужском туалете общежития, и, как бы между прочим осведомился, в какой туалет его вчера провожали.

Перед входом в сортир Макс решительно выдохнул и шагнул за порог. Около окна, напротив кабинок с унитазами, в гордом одиночестве стояло почти новое биде. Куча дерьма тоже была на месте. В глазах на секунду потемнело, а ноги снова задрожали от слабости. Макс пнул биде, чтоб убедиться в его реальности, а заодно показать этой навязчивой галлюцинации, как он к ней относится.

– Слушай, Марат, а что это за глюк – новое биде в старой советской общаге, да ещё в мужском туалете? Я вчера, кстати, чуть с ума тут у вас не сошёл, думал, белая горячка началась, – вернувшись в комнату, спросил Макс.

– А-а, биде наше... Да уж, вещь сильная, впечатление производит, конечно. Сколько я на этом деле пари выиграл... – Марат поудобнее уселся на своей огромной кровати, приго-

товившись долго и с удовольствием рассказывать о местной достопримечательности, которая послужила причиной возникновения множества баек. – Помню, как-то...

Рассказ был прерван диким грохотом, который, по всей вероятности, должен был изображать стук в дверь. В тот же момент дверь распахнулась, и Макс увидел в проеме своего двоюродного брата, который с порога закричал:

– Марат, ну как, нашёлся он? Тут такое дело... – брат увидел Макса и без лишних церемоний перешел к сути: – Короче, Макс, хорошо, что ты здесь – там внизу твои мама с бабушкой, тебе повестка на отправку пришла, теперь прапорщики каждый день ездят, а ещё это... у тебя отец вроде повесился. Или чуть не повесился, как-то всё на бегу говорили, я-то ещё не спавши сегодня, да с похмелья, может, не понял чего...

Макс успел добежать до середины коридора, когда услышал Марата, кричавшего ему вслед:

– Тащи их сюда, аптечку найдем сейчас!

– Что с отцом? – выпалил Макс, подбегая к стоявшим на крыльце общаги маме с бабушкой.

По недоумённой реплике бабушки «А что с ним?» понял, что вариант «чуть не повесился» ближе к истине, и ему стало легче. Однако дальнейший разговор произвёл на него гнетущее впечатление – слишком уж сухо и отстранённо держалась мама. Она сообщила, что без него они с бабушкой в райцентр не вернутся. Так велел отец, который после третьего визита не стеснявшихся в выражениях прапорщиков бросил в сердцах «Лучше повеситься нах... й, чем такого сына иметь!» и ушёл, не сказав куда. Ближе к ночи мама с бабушкой уже подумывали идти прочёсывать чердаки, сараи и прочие укромные места, где принято вешаться, но тут вернулся живой и здоровый (правда, сильно пьяный) отец. И вот теперь они здесь, настроены серьёзно, то есть уезжать без него не намерены.

Он пригласил маму с бабушкой наверх, рассчитывая усилить свои позиции, подключив к переговорам Марата, но подниматься они отказались. Все аргументы, которые он сумел найти самостоятельно, разбились о лёд двухмесячной обиды матери (бабушка, как подозревал Макс, держалась строго больше из родительской солидарности).

После всех ужасных событий, которыми Кто-то Там Наверху щедро нашпиговал всего одни сутки его жизни, Максим находился на грани некоего анабиоза, странного сна наяву. До полного погружения в апатию и утраты воли оставалось несколько секунд. Ещё чуть-чуть, и он, на время потеряв чувствительность, то есть не ощущая своего поражения и не испытывая досады от крушения недавно приобретённых надежд, поехал бы с родителями в райцентр, сдаваться прапорщикам. В то же время он отлично понимал, что это спасительное бесчувствие долго не продлится; что горечь поражения и сожаление о потерянном рае очень скоро вернутся, и хорошо будет, если к их возвращению в его жизни появится что-то такое, что не позволит горечи и сожалению загрызть его насмерть. А ещё он знал, что ему, двадцатилетнему призывнику-переростку, которому военком лично обещал отправку в стройбат, в ближайшие два года глупо даже надеяться на «что-то такое». Но сил, чтобы сопротивляться здесь и сейчас, уже не было.

Макса встряхнула угроза матери увезти его с милицией. Он возмутился и уже открыл рот, чтобы ответить: «Ага, увозите, только попробуйте сначала меня с вашей милицией найти», – ведь то, что они сегодня пришли в одно из мест его обитания, иначе чем какой-то совершеннейшей случайностью в лице невесты откуда взявшегося вчера брата объяснить было невозможно, – но, к счастью, нагрубить и поссориться с мамой окончательно он не успел. Из общаги вышел Марат, который ещё на подходе врубил свое обаяние на полную мощность, благодаря чему Макс снова начал надеяться на что-то хорошее в обозримом будущем и подумал: «всё-таки здорово, что у меня есть такой друг». При виде улыбающегося Марата бабушка

сразу сделалась светской, а мама впервые за сегодня оттаяла, взглянув на товарища сына с живым интересом.

– Добрый день! – произнёс Марат, приправив этот несложный текст голливудской улыбкой и русской задушевностью. – Макс, зачем ты здесь-то гостей держишь, люди ведь с дороги, ну честное слово, даже неудобно как-то. Пойдёмте наверх, кофе выпьем, познакомимся, наконец. Максим столько про вас рассказывал!

Наверху всё вышло как нельзя лучше. Очень кстати к Марату зашли несколько таких же обаятельных оболтусов, завсегдатаев «Кенгуру». Ребята моментально сориентировались и с доверительной интонацией рассказали маме с бабушкой, что они тоже вот вынуждены уклоняться. В этом, признаться, нет совершенно ничего ужасного. И сами они, и уж тем более – их родители, чувствуют себя прекрасно, и не обращают на назойливых прапорщиков внимания, потому что точно знают: скоро ребята восстановятся в университете и продолжают спокойно учиться на дневном РГФ. А о новой отсрочке они, как юристы-заочники, могут заявить с полной уверенностью и даже ответственностью. Так что Макс в июле спокойно сдаст вступительные, тоже получит отсрочку, и наконец-то будет учиться там, где он хочет, а не там, куда его вынудила пойти советская система образования, игнорирующая иностранный язык и лишаящая шансов на престижное инязовское образование талантливых юношей из провинции.

Макс понимал, что всё это лажа. Отсрочка у него могла сохраниться только в случае перевода из политеха в университет. Бросив политех, он лишился права на отсрочку, и новое поступление в вуз ситуации не исправит. Но возражать, конечно, не стал. А через полчаса он и сам начал верить, будто поступление может его спасти. «Как уедут, надо будет ещё раз уточнить, может, я не знаю чего», – думал он.

Враждебная сдержанность матери и настороженная – бабушки исчезли совсем. Мама, которая как-то призналась Максиму, что в юности мечтала учиться в институте не столько из-за знаний, сколько из-за манящей атмосферы студенческих общежитий, и чья мечта осталась неосуществлённой, неожиданно для себя оказалась погружённой в эту атмосферу. Сама того не замечая, она начала поддерживать беседу и даже улыбаться шуткам обаятельных оболтусов. Бабушка тоже поддавалась разливающейся вокруг заразной расслабленности. Минутой ранее Марат мягко внушил ей: надо держаться версии, что они понятия не имеют, где сейчас Макс, поэтому телефонные контакты с внуком, как и телефонные разговоры о внуке надо полностью исключить. В ответ успокоившаяся бабушка стала обстоятельно инструктировать Марата, чтоб тот, заезжая в их райцентр по пивным делам, не забывал заходить к ней и сообщать, что с Максимом всё в порядке. Например, что экзамены он сдаёт успешно, а то ведь как ещё про это узнать, раз телефон теперь под запретом, а письмо или телеграмму прапорщикам перехватить и того проще.

– Вы, Марат, сначала через двор наш пройдите и поглядите, нет ли меня в огороде. Сейчас лето, я, наверное, в огороде больше буду. Если в огороде нет, тогда, значит, в квартире, номер восемь квартира. А если там нету никого – подождите во дворе на лавочке, там столик с лавочками у нас вкопан, спросит кто из соседей – скажете, что ко мне, а я надолго не отлучаюсь, разве до хлебного или там молочного дойду. Заодно и пообедаете, зачем вам на ресторан тратиться. У нас, правда, по-простому всё, не так, может, как вы привыкли, но голодным уж точно не оставим, – говорила бабушка.

Параллельно, за другим концом стола, мама вдруг согласилась с одним из оболтусов:

– Ну, раз вы как юрист насчет отсрочки подтверждаете, то с поступлением, конечно, стоит попробовать.

Макс шумно выдохнул, а на вдохе едва удержался от громкого всхлипа.

Перед тем, как уехать, бабушка сунула Максу рублей триста. Эта сумма позволяла осуществить вчерашние намерения насчёт покупки еды и даже скромного непрактичного букета. То есть появлялся шанс отмотать плёнку назад, начав с места, где Марат должен был выдать ему процент за сделку, а вечернее разочарование, безобразную попойку и её ужасные последствия вырезать.

Реализовать план удалось только наполовину. Он купил макароны, тушёнку, пачку американских сигарет и цветы, но оказалось, что никто не ждёт ни его самого, ни тех скромных трофеев, которые ему сегодня удалось раздобыть, пусть и довольно стыдным способом. Ещё метров за пять до двери Макс почувствовал, что Стаси нет дома. Постучав и не дождавшись ответа, он стал бить дверь руками и ногами, злясь то ли на себя, то ли на дверь, то ли на Станиславу. Он сходил за ключом, спрятанным на пожарной лестнице, с порога зашвырнул в квартиру рюкзак с продуктами, бросил цветы на кухонный стол, и достал из холодильника двухлитровую банку спирта.

Станислава пришла около полуночи. Макс, на которого сегодня алкоголь почти не действовал, показалось, что она пьяна. Над этим вопросом-предположением девушка смеялась так долго и наигранно, что едва не вызвала у Макса отвращение. Потом она, явно дурачась, напустила на себя серьёзный вид и поклялась ему, что не употребляла сегодня ни грамма алкоголя. Он предложил ей сигарету, надеясь, что она заметит сделанные им покупки, но она рассеянно отказалась, достав из кармана едва начатую пачку «Бонд стрит». Марка была ненамного дешевле предложенного им «Кэмела», и Макс точно знал, что утром денег на такие сигареты у Станиславы не было. Закурив, она облокотилась на стол и укололась о валявшиеся там розы. Когда она поняла, что это цветы, что они для неё, что их принёс Макс, она из чужой, надменной и равнодушной девушки начала превращаться в прежнюю Стасю – ту, которую Макс знал до сегодняшнего утра. Однако Максим наметившейся перемены не оценил. Приняв оттепель как должное, он начал выяснять отношения.

– Слушай, может, ты мне всё-таки скажешь, откуда сигареты? Я в третий, кажется, раз спрашиваю. И вообще – ты же ведь пила сегодня, да? Просто скажи честно – да, пила. Я ненавижу, когда меня обманывают, – выговорил он, еле сдерживая раздражение.

После его вопроса со Станиславой произошла какая-то неуловимая перемена, и через несколько секунд перед ним вновь сидела красивая и совершенно чужая девушка, к которой он никогда не рискнул бы подойти на улице.

– Мне подарили. Сигареты мне подарили в гостях. Я была в гостях у одних хороших ребят. И я вообще не пила сегодня, – отчеканила она. – Это всё или ещё есть вопросы?

Макс, наверное, ждал, что после его нападения девушка начнет оправдываться. Прежде он никогда не задумывался, как вести себя со Стасей; не задумываются же люди о том, как дышать. Но после её ответа почувствовал, что этот не замечаемый им воздух перестал поступать в лёгкие. До сих пор их отношения, кажется, можно было назвать доверительными и даже нежными. А после стычки отношения превратились в противостояние двух воюющих сторон, одна из которых проиграла войну после первого же сражения. Его не самый умный выпад Станислава отразила играючи, а других тактических заготовок в арсенале Максима не было, как не было и ресурсов для их реализации.

Однако Станислава опять рассмеялась и снова сменила тон.

– Ладно, не дуйся. Я правда не пила. Я зашла к Жениным друзьям, они просто друзья, понимаешь? И мы с ними немного покурили. Кстати, хочешь? Я сказала, что мне надо к тебе, они сначала уговаривали ещё посидеть, а потом поняли, что я всё равно уйду, и с собой мне травы дали. Я же говорю – они хорошие. А не то, что ты, наверное, думаешь, – улыбнулась Станислава и протянула Макс, скрученный косяк.

Он вздрогнул от безразличия – в городе, где он провёл семнадцать лет из своих двадцати, терпимо (порой даже – чересчур терпимо) относились к алкоголикам, а вот наркоманов

людьми не считали никогда. Однако он сумел подавить эмоции и отказался от её предложения дружелюбно, стараясь продемонстрировать не меньшую, чем Станислава, приветливость:

– Нет, спасибо, я это не люблю, ну, то есть, просто не люблю. Совсем. Может, лучше выпьем?

– Отлично, сегодня у нас – клубы по интересам! – с каким-то нелогичным восторгом завопила она, а потом оживилась ещё больше, увидев валявшийся в углу рюкзак с продуктами. – Супер, не может быть! Это правда? Мне не кажется? Спасибо, ты не представляешь, как я хочу есть! – с этими словами она прыгнула на Макса и повисла на нём, крепко обхватив руками и ногами.

Когда порыв иссяк, она слегка отодвинулась от него и, глядя куда-то в сторону, негромко сказала:

– Я, кажется, влюблена в тебя, Макс. Honey, I love you, indeed²⁸, пожалуйста, поверь мне. Не делай глупостей, ок? Вот просто пообещай мне сейчас, что поступать в универ будем вместе. Мы обязательно поступим, а там что-нибудь с этой твоей армией придумаем и с деньгами тоже. Обещаешь?

На последнем слове их глаза встретились. Макс заторможенно кивнул и выдал из себя «да».

Станислава чмокнула его в щеку, и, спрыгнув на пол, изобразила ногами что-то, содержащее не слишком очевидный намек на фуэте:

– Всё, быстро из кухни, сейчас я соберу праздничный ужин!

Перед тем, как Станислава приступила к сервировке, они выпили в качестве аперитива граммов по пятьдесят чистого спирта. Заранее Макс его не развёл, а разбавлять сейчас не хотел из-за противного запаха и тепла, выделявшегося во время смешивания воды и спирта. Разливая, он объяснил всё это Станиславе, которая, кажется, всерьёз решила помириться, поскольку не стала курить принесённый от знакомых косяк, а попросила налить ей выпить. Они выпили под «Vijou²⁹», предпоследнюю песню с «Innuendo».

Финальную, «The show must go on³⁰», Макс слушал с лоджии, где курил сигарету. За открытой дверью Станислава стала в голос подпевать Фредди, и Макс, не переносивший любительщины, с досадой скривил рот. По краю сознания проскочила мысль: «чёрт, как всё это неприятно: сначала наркотики, пусть даже вроде как лёгкие, потом пародия на балет, теперь вот это вот, типа пение; может, мне вообще всё про неё померещилось?» Но расслабленность, вызванная ударной порцией спирта и ободряющими словами девушки, сделала свое дело – Максим благостно решил не замечать её недостатков ну, или относиться к ним снисходительно.

Тем временем неразбавленный спирт усилил действие марихуаны и довёл пение Станиславы до какого-то экстатического кипения. Она уже не пела, а выкрикивала:

– My soul is painted like the wings of butterflies
Fairytale of yesterday will grow but never die³¹...

Макс вдруг почувствовал за спиной какое-то стремительное движение. Обернувшись, он понял, что Станислава ещё на кухне начала разбегаться, как бы продолжая свой восторженный танец и готовясь к прыжку, но не испугался, не закричал и не дернулся к ней, а продолжил наблюдать, отмечая, что картинка очень похожа на замедленный повтор гола по телевизору. Даже вопль, который девушка издала, отталкиваясь от порога (отталкиваясь сильно, слишком

---

²⁸ Милый, я люблю тебя, правда.

²⁹ «Изящная вещица» (англ.).

³⁰ «Представление должно продолжаться» (англ.).

³¹ Моя душа раскрашена, как крылья бабочек. Вчерашние сказки вырастут вместе с нами, но никогда не умрут (англ.).

сильно, чересчур сильно, чтобы иметь шанс приземлиться на лоджию), не вывел его из этого потустороннего равновесия и не ускорил движений действующих лиц.

– I can fly my friends!³² – звучало у него в ушах, когда он мягко подхватил Стасю над ограждением и несколько мгновений сохранял инерцию её движения, а потом начал плавно менять направление этого полёта. Со стороны казалось, будто он на вытянутых руках несет девушку над девятиэтажной пропастью, описывая её телом небольшой полукруг. Когда он вернул Станиславу в пределы лоджии, время скакнуло и понеслось с обычной скоростью. Макс уронил свою ношу на бетонный пол и в ту же секунду рухнул рядом. В него медленно вползал запоздалый страх, смешанный с отвращением к девушке, в которую он ещё несколько часов назад был влюблён без памяти.

А утром, пока она спала, он ушел от неё.

14

За несколько дней до начала вступительных экзаменов Макс вспомнил, что до сих пор не подал документы в универ, а вспомнив, засомневался: стоит ли вообще поступать? С одной стороны, рассуждал он, проблему призыва поступление в университет не решит. То есть практического смысла эта затея не имеет. Даже если мечта сбудется, и он поступит на РГФ, осенью уходить в стройбат с первого курса факультета мечты будет куда более тошно, чем призываться из его нынешнего ниоткуда. С другой стороны, поступление могло оправдать его в глазах если не отца, то хотя бы мамы с бабушкой. Получится успешно сдать экзамены – и вместо нелепой истории, начавшейся с рефлекторного хамства военкома, появится легенда про целеустремлённого провинциала, которого система образования вынудила пойти не в тот вуз, и который борется за то, чтоб учиться, где нравится. Наконец (и это было главной причиной), экзамены давали возможность хоть чем-то заняться. Уже неделю Макс сутками торчал наедине с собой в четырёх стенах и чуть с ума не сходил от скуки: видеть Станиславу ему по-прежнему не хотелось, а пивной бизнес накрылся после истории, случившейся в день города.

Незадолго до праздника Марат и Майкл взяли партию вдвое больше первой, но сдать её оптом не смогли: оказалось, что теперь пиво в районы поставляют москвичи. Решено было продавать товар в розницу на дне города. Утром Шура Иванов привел со спортфака нескольких друзей, телосложение которых вполне позволяло требовать деньги за алкоголь даже с подвыпивших обывателей, Марат с Майклом поставили в приглянувшихся местах торговые точки, и с осторожностью начали ждать прибылей. Трудно поверить, но компаньоны знать не знали, что торговать пивом в этот день разрешено только нескольким МПРТ – муниципальным предприятиям розничной торговли, которые, свято чтя праздничные традиции советских магазинов, дружно закрылись в самый разгар торговли, часов эдак в шесть вечера. Обезьяная под вечер места продаж, Марат поражался полному отсутствию конкуренции, и, соответственно, ажиотажному спросу на товар, который шёл в рознице за четыре отпускных цены. Милиция, разумеется, видела несанкционированную торговлю, но призвать нарушителей к порядку не спешила. Вероятно, милиционеры рассуждали так: вряд ли у кого-то, не имеющего лапы на самом вершине, достанет наглости настолько откровенно плевать на строжайший запрет мэрии.

Другой проблемой могли стать рэкетеры, но за неделю до праздника Марат где-то познакомился с «молодым, перспективным и не слишком отмороженным» бандитом, который за половину выручки уверенно взялся «решать вопросы». Перед выездом на точки куратор-силовик рассказал всем продавцам, на каких больших людей надо ссылаться при наездах. Не факт, что большие люди были в курсе, но одну проблемную ситуацию бандит разрулил лично, а во второй названные имена и впрямь оказали обещанное действие. Наехали на точку,

---

³² Я умею летать, друзья мои! (англ.) – строчка из песни «The show must go on».

где стоял Шура. Его попытались избить, но только за отсутствие подобострастия и недостаток почтительности при отказе отдать ящик пива даром. В этой попытке не было, что называется, никакого бизнеса, только личное: после того, как Шура, избежав физического контакта, слинял от бандитов, те, помня о названных Шурой именах, даже охраняли брошенный товар от толпы празднующихся граждан вплоть до прибытия на точку Марата с молодым и перспективным бандитом.

Марат планировал собрать вечернюю, самую обильную выручку после завершающего праздник салюта. Однако часом раньше все точки объехал его новый силовик, который сказал продавцам, что вечерней инкассацией занимается он. Никто из ребят не заподозрил, что дело нечисто. Напротив, решение казалось вполне логичным – самостоятельно перевозить большие суммы денег в этот угарный вечер коммерсантам вряд ли стоило.

Отец Майкла поднял все связи и добился для незадачливых бизнесменов пятиминутной аудиенции у тех самых больших людей, чьи имена следовало называть при наездах. Люди сообщили, что о пиве на день города слышат впервые, и возмутились, как это кто-то посмел поминать их имена всуе, пообещав найти и наказать наглеца. Обнадёженный их возмущением Марат спросил, за какой процент они стрясут с мошенника украденную выручку, но его вопрос разозлил больших людей едва ли не больше, чем упоминание их имен всуе, и делегация просителей была вынуждена спешно ретироваться. В итоге Майкл с Маратом лишились почти всех оборотных средств, а Макс – даже иллюзии работы. Зато на состоянии его личных финансов закончившаяся катастрофой праздничная розница сказалась куда благотворнее успешного для Марата с Майклом опта. В день города через руки Макса прошло не меньше пятисот бутылок, и он, помня о полной неопределённости с зарплатой, продал каждую минимум на пять рублей дороже назначенной Маратом цены.

15

Максим появился в университете за час до окончания приёма документов на дневное отделение. Главный корпус кипел. Сквозь гомонящую толпу постоянно сновали группы из самых беспокойных абитуриентов. Обстановка пробудила в Максе спортивный азарт, и он сам не заметил, как появилась цель: поступить во что бы то ни стало. Взглянув на данные о конкурсе (филфак – 1,5 заявления на место; РГФ – 7,5), Макс перешел к расписанию и начал прикидывать шансы. «Вроде выходит, что надо на филфак. Но там русский и литература устно, причем, уже завтра. А на РГФ первый экзамен – английский, и не завтра, а через два дня. Завтра я русский устно даже на три не сдам. Попробовать English послезавтра на четыре... Да, блин, а почему нет? Конечно, по слухам, парней на филфак берут не глядя, но ведь не факт, а куража при этом ноль. Не поступишь при полутора на место – опозоришься. А при семи с половиной на место пролететь не стыдно, значит, и прорваться шансов больше...»

– Привет, – услышал он за спиной голос Станиславы, и, оборачиваясь, с досадой подумал: «Fuck, ну я же не хочу её видеть, зачем это всё...».

– Да, привет, – он напрягся в ожидании вопросов о том, куда он исчез, и что вообще случилось. Однако вместо этого услышал:

– Ты на РГФ?

– Пока не знаю.

– Но... Ты же обещал. Помнишь, когда я попросила, ты пообещал, что поступать будем вместе. Я неделю назад подала документы. На РГФ. Мы ведь, когда знакомились, на РГФ собирались...

Сказав это, девушка неуверенно улыбнулась.

– Да, но это было... Было до... ну, неважно, не понимаю просто, скажи лучше, тебе-то зачем? Разве это важно? Сейчас, я имею в виду, сейчас это важно, какой в этом смысл? Меня всё равно в армию заберут. При чём тут вообще РФФ и... – Макс осекся, чуть не сказав «ты».

– Но ведь ты обещал.

Он ожидал чего угодно – деланого безразличия, надменности, упреков, вопросов, может, даже просьб и слёз, но не этого странного требования. Причину Станислава с неприятной, означавшей полное равнодушие откровенностью, объяснила ему год спустя. «Если я правильно понимаю о чем ты, – не то сказала, не то написала она, – это, наверное, всё оттого, что мне тогда почему-то очень хотелось быть с тобой. Я сильно переживала, вот и придумала себе такую странную надежду. Решила, что пока ты готов сдержать это обещание, оно нас связывает. Вечер, когда ты это пообещал, продолжается, и мы с тобой всё ещё вместе».

Они поднялись в приёмную комиссию, где Макс подал документы на РФФ. Когда они выходили, Станислава сказала «спасибо», и снова улыбнулась какой-то извиняющейся улыбкой. Это вызвало у него тревогу, которая резко сменилась раздражением: ему показалось, будто его к чему-то принуждают, специально вызывая чувство жалости. Он очень хотел, чтоб она сейчас повторила то, что так легко сделала во время их последнего вечера – превратилась в надменную красавицу, к которой робеешь подойти на улице. Пока он соображал, как бы полочее от неё отвязаться, Станислава действительно переменялась, но не так, как ему хотелось. Недостигаемая красавица, которую смешно было бы жалеть, не появилась. Перед его бывшей девушкой просто возник какой-то невидимый экран, не пропускавший эмоций ни к ней, ни от неё. Она направилась к выходу, и, проходя мимо Макса, тихо сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.